

ДК 32:33 (479.2)

ББК 66+65

Д 441

Д 441

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. - Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. - 214 с.

Издание представляет собой русскую версию сборника статей о внутривосточном развитии стран Южного Кавказа, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля. Русское издание подготовлено совместными усилиями представительства Фонда Генриха Бёлля на Кавказе и Кавказского института СМИ. Авторы статей - ученые из Азербайджана, Армении и Грузии. Среди тем сборника - безопасность, выборы, СМИ, нациестроительство, экономика, коррупция, гендерные проблемы.

Редакторы Ивлиан Хаиндрава, Александр Искандарян

Художественный редактор Нина Искандарян

Дизайн обложки студии Matit www.matit.am

Макет студии "Коллаж"

Фото на обложке: студия Patker

ББК 66+65

Diaspora, Oil and Roses. What makes the countries of the South Caucasus tick. - Yerevan, Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute, 2005. - 214 p.

Editors Ivlian Haindrava, Alexander Iskandaryan

Literary editor Nina Iskandarian

Cover design by Matit www.matit.am

Layout by Collage Ltd.

Cover photo by Patker

ISBN 99930-78-74-3

© Фонд Г. Бёлля, КИСМИ, 2005

© 2005 Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute

Немецкое издание: *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien.* Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. ISBN: 3-927760-48-X.

Ивлиан Хаиндрава

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Конец 2003 - начало 2004 года можно считать завершением одного и началом нового этапа в жизни постсоветской Грузии. Без претензии на всеобъемлющий охват темы представляется целесообразным проанализировать ряд событий, оказавших значительное влияние на течение политической жизни в стране за годы независимости. За точку отсчета резонно принять 1990-й год, когда в условиях ещё существовавшего тогда СССР Грузия провела первые многопартийные парламентские выборы.

Период с 1990-го по 2003-й годы можно разделить на два основных этапа. Первый - 1990-95 г.г. - вместивший в себя пять выборов (дважды парламентские, дважды президентские и одни местные), государственный переворот, гражданский конфликт, войну в Абхазии, разгул военизированных группировок и беззаконие, крушение экономики и гиперинфляцию - вылился во всеобъемлющий хаос в масштабах всей страны. Начался, впрочем, этот этап вполне успешно - отстранением от власти коммунистов ненасильственным путем (сами коммунисты, как известно, подобных методов не практиковали). Да и завершился, можно сказать, тоже успешно: принятием конституции в августе 1995-го, введением национальной валюты и оформлением контуров государственности. Но все то, что происходило между началом и концом этапа, трудно поддается описанию в общепринятых рациональных терминах и является сферой исследования скорее для этнологов, психологов или даже психиатров, чем для политологов. В силу этого и в целях экономии места просто обозначим первый этап как болезненный и жестокий "переход к переходу" - transition to transition.

Второй этап - 1995-2003 годы - в свою очередь, можно разделить на три фазы. В 1995-98 годах страна начала было продвигаться к конституционному правопорядку, внешнеполитическая ориентация на Запад приобрела необходимую четкость, реформы в разных областях получили законодательную базу (пусть и неполную и несовершенную), воплотились в жизнь демократические институты (Конституционный суд, Офис народного защитника - омбудсмена). Увенчалась эта фаза принятием Грузии - первой из государств Южного Кавказа - в Совет Европы. Именно этот непродолжительный отрезок можно назвать переходным (transition) в том смысле этого

слова, какой обычно в него вкладывается.

Следующая фаза - 1998-2001 гг. - годы застоя, фактической легализации коррупции и разрастания её до всеобъемлющих размеров, замораживания реформ, глубокого разочарования граждан и их отчуждения от государства и власти. Назовем его "переходом без перехода" - transition without transition.

Наконец, 2001-03 годы - стремительное одряхление и эрозия режима Эдуарда Шеварднадзе, досрочное завершение его президентства, и завершение второго этапа в целом.

Несмотря на существенную разницу между тремя вышеупомянутыми фазами, я не выделяю их в самостоятельные этапы, и рассматриваю как логически единый процесс хотя бы по той простой причине, что прошла их Грузия под руководством одного и того же президента и одной и той же партии. И процесс деградации или даже дегенерации правящей элиты представляется достаточно характерным и поучительным, чтобы остановиться на нем подробнее.

Краткий курс истории СГГ

Партия власти, она же - президентская партия "Союз граждан Грузии" (СГГ) - была учреждена в 1993 году (официально зарегистрирована в 1994 г.), и до ноября 2003 года управляла страной, во всяком случае - теми её областями, на которые распространяется фактическая юрисдикция Тбилиси. Термин "партия" в случае СГГ достаточно условен; по существу это была правящая организация на манер Коммунистической партии Грузии 70-ых-80-ых годов - в большинстве своем идеологизированный конгломерат, членство в котором было чуть ли не обязательным для успешной управленческой, хозяйственной, и, за редким исключением, научной или творческой карьеры. Следует отметить, что даже в советское время внутри партийной верхушки просматривались лагеря "реформаторов" и "реакционеров", хотя основная масса членов партии в последние десятилетия советского режима проявляла полное равнодушие к вопросам идеологии, ибо в коммунистической успела разочароваться давно, а в существовавших условиях обзавестись новой не могла, да и не стремилась.

СГГ под руководством Эдуарда Шеварднадзе тоже стал притягательным благодаря фактору власти, привилегиям, "режиму наибольшего благоприятствования" для его членов. Основную массу конгломерата СГГ составили комсомольские активисты, аппаратчики, но-

менклатура, старые и новые полулегальные бизнесмены, "всегда готовая продаться советская интеллигенция" (выражение Владимира Буковского). При этом в СГГ тоже просматривались реформаторское крыло, вернее - крылышко, именуемое "младореформаторами", и менее формализованное, на взгляд извне, но гораздо более многочисленное сообщество ретроградов.

Эти фланги в течение первой фазы мирно уживались, добиваясь каждое своих целей: реформаторы проводили через парламент либеральные законы, а ретрограды лоббировали личные интересы и бизнес своих кланов. Фаза эта завершилась именно тогда, когда дальнейшие игры в реформы показались окрепшим экономически и политически новым и старым грузинским мафиози излишними. Реформаторов блокировали в парламенте, реформы подавили в исполнительной власти.

Соответственно, СГГ трансформировался в некое подобие "общества с ограниченной ответственностью": каждый вносит в предприятие свою долю, а затем участвует в распределении прибыли. Причем, опять же в соответствии с грузинскими реалиями, прибыли не только легальной, но и "теневой". Партийные списки СГГ к парламентским выборам 1999 года были составлены на чисто долевом участии: несколько групп и личностей (президент, спикер парламента, влиятельные министры и губернаторы провинций) получили каждый свою квоту. Объединяло их лишь желание остаться у власти ради достижения собственных целей. Цели же были разные, часто - несовместимые. В результате парламентом большинство, сформированное на основе разношерстных групп под общим названием СГГ, оказалось внутренне настолько антагонистичным, что вскоре вообще утеряло способность принимать осмысленные решения, т.е. проводить последовательную политику.

Неудивительно поэтому, что разногласия среди пайщиков "ООО СГГ" вскоре переросли в острый конфликт. Первыми, кто оказался недовольным дивидендами от своих инвестиций, были несколько преуспевающих молодых бизнесменов. Гарантированно пройдя в парламент в 1999 г. по спискам правящей партии, они вскоре после выборов вышли из ООО "СГГ" и учредили ООО "Новые правые" (чудесным образом оставшись, однако, лояльными по отношению к Шеварднадзе). Что и знаменовало собой начало третьей и заключительной фазы.

Затем, словно очнувшись и поняв, что болото застоя и коррупции скоро окончательно их поглотит, стали задумываться о спасе-

нии своих политических душ "младореформаторы" под предводительством спикера парламента Зураба Жвания и Михаила Саакашвили, возглавлявшего ранее парламентскую фракцию СГГ. Настоящий политический скандал разразился в апреле 2001 г., когда в газете "Washington Post" была напечатана статья "Герой для Запада, злодей дома"¹, в которой президент Шеварднадзе был охарактеризован однопартийцами из группы младореформаторов как исчерпавший свои возможности политик, неспособный проводить дальнейшие реформы и реально бороться с коррупцией. А очередная статья, опубликованная в США два месяца спустя - "Потемкинская демократия: четыре мифа о постсоветской Грузии"² - посеяла тихую панику уже в среде младореформаторов; ведь само явление "младореформаторства" (в "реформаторской" его части) было возведено автором статьи в ранг одного из мифов. В данной ситуации политикам, ориентированным на Запад, и ожидавшим от него помощи и в будущем, дальнейшее промедление показалось смерти подобным, и они решились на открытое отмежевание от президента. При этом мобильный Саакашвили, успевший совершить "марш-бросок" из парламента в кабинет министра юстиции и обратно, явно опередил Жвания на этом пути. Вместе со своими единомышленниками он вышел из СГГ и основал "Национальное движение за демократические реформы", беспощадно критикуя внутреннюю политику Шеварднадзе. Разброд в совете директоров ООО "СГГ" стал очевидным, и председатель - Эдуард Шеварднадзе - в сентябре 2001 года покинул свой пост. Это послужило сигналом бедствия, и СГГ стал разваливаться на группы интересов.

Ушедший с должности спикера парламента в дни осеннего кризиса 2001 г.³ Жвания попытался было сохранить контроль над остатками СГГ, а заодно - и унаследовать партийное имущество, но частично преуспел лишь во втором. Он объявил СГГ оппозиционным по отношению к президенту, что было классическим нонсенсом: Шеварднадзе хоть и ушел с поста председателя, но остался в рядах СГГ и ситуация, при которой его же собственная партия заявляла

---

¹Peter Baker. "A Hero to the West, a Villain at Home". The Washington Post, April 14, 2001

²Charles King. "Potemkin Democracy: Four Myths about Post-Soviet Georgia". The National Interest, #64, Spring 2001.

³В октябре 2001 г. попытка сколько-нибудь серьезного пересмотра технологии осуществления власти (governance) президентом Шеварднадзе не произошло (прим. авт.).

претензии на оппозиционность, явно не пришлась ему по душе. Дело кончилось тем, что Жвания и его сильно поредевшей команде не осталось ничего иного, как выйти из состава СГГ и объявить о создании новой политической организации "Объединенные демократы". Представляется, что в определении своих политических приоритетов Жвания опоздал года на три-четыре, и лидерство у него совершенно закономерно перехватил Саакашвили.

Правящая партия фактически развалилась, и та же участь постигла парламентское большинство. Таким образом, мы явились свидетелями типичного политического банкротства, наступление которого несложно было предвидеть ещё в момент учреждения СГГ. Однако оно прогнозировалось ближе к завершению президентского срока Шеварднадзе в 2005 году.

Полупартийный плюрализм

Тут не место рассуждать о судьбах других политических акторов: партий в Грузии много, а псевдопартий - ещё больше. Конечно, интересно проследить разнообразие способов, примененных ими ради выживания, но это - отдельная тема. Дело же в том, что происшедшее в Грузии на втором этапе её посткоммунистического существования - в 1995-2003 годах - адекватно иллюстрирует схему т.н. "полупартийности"⁴. Это ситуация, при которой партия власти (президентская партия) единолично и безраздельно управляет страной, позволяя при этом другим партиям существовать и даже критиковать партию власти - но и не более того. Создается иллюзия политического плюрализма, но когда дело доходит до "выборов", правящая партия включает соответствующие властные механизмы и обеспечивает приемлемые для себя результаты вне зависимости от волеизъявления избирателей. Подобная система в принципе исключает смену власти путем выборов. Таким образом, партия власти как бы составляет одну полноценную единицу, а все остальные вместе взятые - половинку, играющую роль демократического камуфляжа и не допущенную к принятию решений.

Представляется, что подобная система подрывает моральные устои общества и ведет к отчуждению граждан от государства. В условиях видимости конкуренции (политической, экономической), но реального её отсутствия, когда победитель в "соревновании" извес-

---

⁴Александр Искандарян. Государственное строительство и поиск политической идентичности в новых странах Закавказья. // "Центральная Азия и Кавказ", №2(8). - Стокгольм, Швеция, 2000.

тен заведомо, разлагается не только власть, но и оппозиция, и общество в целом. В отсутствие реальной конкуренции за власть в течение второго постсоветского этапа, стабильность в Грузии (каковая считается основным достижением режима Шеварднадзе) стремительно выродилась в советского типа застой времен Брежнева со всеми свойственными ему пороками.

Знаменательно, что в выпуске "Nations in Transit" за 2001 г.⁵ по суммарным показателям 1997-2001 годов Грузия характеризуется уже как "паразитическое авторитарное государство" (Parasitic Authoritarian State), хотя в начале этого периода она классифицировалась как подающая большие надежды "переходная демократия" (Transition Democracy). В обзоре, в частности, отмечается, что парламентские (1999 г.) и президентские (2000 г.) выборы подорвали народное доверие к избирательному процессу и рассматриваются в значительной степени как откат на пути развития демократии.

Самую большую тревогу и уныние в грузинских реалиях вызывала именно отрицательная динамика последних пяти лет (1998-2003 гг.). Эта тенденция, кстати, нашла отражение в социологическом исследовании по Грузии, проведенном ещё в конце 2000 года Госдепом США, и исчерпывающе озаглавленном: "Доверие граждан Грузии к своему правительству убывает, а пессимизм нарастает"⁶. Например, как выявил опрос, по мнению 86% граждан Грузии страна достигла лишь незначительного прогресса в утверждении верховенства закона - rule of law - (35%), или вовсе не достигла такового (51%).

Удивительно лишь то, что, несмотря на появление в западной прессе и научных журналах материалов, адекватно отображавших тревожное развитие событий в Грузии, отношение к Шеварднадзе как к "великому демократу", "мудрому правителю" и чуть ли не спасителю нации оставалось преобладающим. Мнение же самой "спасенной" нации, для которой Шеварднадзе последовательно и неотвратимо превращался в объект насмешек и даже презрения, не принималось во внимание. Унизительный для четырех миллионов граждан Грузии вопрос: "если не Шеварднадзе, то кто?", оставался доминирующим в отношении западных политиков к постсоветской Грузии.

В сфере демократии нагляднее и публичнее всего отрицательная динамика проявлялась в выборах. Каждые следующие выборы были хуже предыдущих, являя собой очередную ступень фальсификации итогов и извращения волеизъявления избирателей.

⁵Nations in Transit. Eds. A.Karatnycky, A.Motyl and A.Schnitzer, Freedom House, 2001.

⁶Office of Research, Opinion Analysis, Department of State, Washington D.C., January 30, 2001.

"Миссия наблюдателей ОБСЕ пришла к заключению, что Грузии необходим значительный прогресс, чтобы полностью соответствовать обязательствам, принятым ею в качестве члена ОБСЕ. Фундаментальные свободы в основном соблюдались в ходе избирательной кампании, и кандидаты имели возможность выражать свои взгляды. Однако необходимо усовершенствовать законодательство, деятельность государственных средств массовой информации и процедуру подсчета голосов и подведения итогов выборов"⁷.

Это - цитата из предварительного заявления миссии ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами в Грузии 9 апреля 2000 г. В заключительном документе упоминаются и иные нарушения:

"В частности, проблемы были выявлены в следующих сферах: вмешательство властей в избирательный процесс; несовершенное избирательное законодательство; неполная репрезентативность избирательных комиссий; недостоверные списки избирателей"⁸.

Нетрудно представить себе, какими они были, эти "выборы". Особенно, если принять во внимание, что наблюдатели ОБСЕ бывали чрезмерно благодушными при оценке выборов в Грузии. Например, они похвалили парламентские выборы 1999 года, оценив их как "шаг в направлении соответствия требованиям ОБСЕ", в то время как местные наблюдатели были куда более скептически. И вообще, как же это могло случиться, что осенью 1999-го - "шаг в направлении...", а пять месяцев спустя весной 2000-го - "необходим значительный прогресс"? Ответ прост: парламентские выборы-99 ведь тоже были проведены ниже всякой критики, но в силу "высших" соображений было решено закрыть на это глаза. В результате - президентские выборы прошли настолько плохо, что отвести взгляд в сторону просто не осталось возможности. Самое же главное, это то, что, с точки зрения грузинского законодательства, президентские выборы 2000 г. (несмотря на официально объявленные результаты, которым, к тому времени, в Грузии не доверял уже никто) просто не состоялись: требование закона об участии более чем 50% избирателей для признания выборов действительными выполнено не было.

Местные же выборы 2 июня 2002 г. вообще шокировали наблюдателей Конгресса местных и региональных властей Совета Европы (КМРСЕ) - единственной официальной международной миссии по наблюдению за этими выборами - плохой подготовкой, состоянием

---

⁷Presidential Elections in Georgia: OSCE Statement on Preliminary Findings and Conclusions, Tbilisi, 10 April 2000.

⁸Office for Democratic Institutions and Human Rights, Republic of Georgia Presidential Elections on 9 April 2000, Final Report, Warsaw, 9 June 2000.

списков избирателей, сомнительными решениями, а зачастую и противозаконным вмешательством властей в избирательный процесс⁹. Руководитель делегации Луис Роппе выразился недвусмысленно: "Делегация КМРСЕ разочарована тем, что демократический процесс в Грузии по сей день не отвечает надеждам людей. Народ Грузии заслуживает лучшего". Последняя фраза представляется поистине знаменательной.

Несколько отклоняясь от основной темы, все же поставлю пару отнюдь не риторических вопросов. Быть может, ОБСЕ, под эгидой которой работают основные миссии по наблюдению за выборами, лучше говорить горькую правду своевременно, чтобы не способствовать дальнейшему беспределу? И, быть может, в духе истинного доброжелательства вообще следует говорить правду, а не полуправду? Ведь из полуправды ничего более, чем полудемократия, не вырастет?!

Замечу здесь же, что на основе консенсуса основных политических сил страны перед парламентскими выборами 2 ноября 2003 г. ОБСЕ получила возможность представить на утверждение президенту кандидата на пост Центральной избирательной комиссии Грузии, каковая должность в немалой степени определяет честность и прозрачность выборов. Как воспользовалась ОБСЕ этой возможностью, явствует из дальнейшего развития событий.

На основе опыта 1995-2003 г.г. выборы по-грузински смело можно назвать свободными и несправедливыми. В подобных условиях классификация Грузии в качестве "электоральной демократии", как это было сделано в ряде обзоров и статей, представляется сомнительной. Уместнее был бы термин "оральная демократия", и это отнюдь не просто шутка. Демократическая риторика подменила в Грузии (и не только в ней) развитие демократии. Свободные, но не справедливые выборы; формально существующие, но беспомощные демократические институты; свободно продающиеся СМИ; широко разрекламированные, но замороженные на полпути реформы... Шеварднадзевская квазидемократия в Грузии последовательно подрывала доверие к истинным демократическим ценностям; точно так же, как полуправда зачастую оказывается вреднее тотальной лжи.

Оказалось, однако, что грузинское общество за годы новой независимости пресытилось постсоветской полуправдой. Зато ни сам Шеварднадзе, ни его окружение, не смогли адекватно воспринять многочисленные сигналы бедствия, звучавшие последние годы, и однозначно свидетельствовавшие о том, что их корабль пошел ко

---

⁹<http://press.coe.int/press2/>

дну. Среди таковых достаточно выделить четыре:

1. Президентским выборам 2000 г. население Грузии по существу объявило пассивный бойкот, в большинстве своем не придя на участки для голосования и, таким образом, лишив Шеварднадзе и его режим не только мандата доверия, но и фактической легитимности.

2. За этим последовал развал СГГ, оставивший рядом с Шеварднадзе лишь политически неконкурентоспособных временщиков и стяжателей, неспособных к управлению государством в соответствии с требованиями времени.

3. Осенний кризис 2001 г. продемонстрировал, что общество более не желает быть сторонним наблюдателем за бездарными действиями властей и накапливает энергию для непосредственного вмешательства в политические процессы.

4. Провал остатков правящей партии на местных выборах 2002 г. (СГГ не сумел преодолеть в столице 4%-ый избирательный барьер и остался без единого представителя в тбилисской легислатуре) стал прелюдией в форме траурного марша к бесславному концу режима Шеварднадзе.

Парламентские выборы 2 ноября 2003 г. и "революция роз"

Парадоксально, но факт: парламентские выборы 2003 г. привели в Грузии... к смене президента. Говорить о том, что именно подобный исход планировался оппозицией, или предсказывался аналитиками (в том числе - автором этих строк), было бы преувеличением. Страна как бы смирилась с мыслью, что Шеварднадзе "дотянет" свой последний срок до апреля 2005 г., но поскольку именно избранному в ноябре 2003 г. парламенту предстояло быть переходным от режима Шеварднадзе к постшеварднадзевской эпохе, значение этим выборам придавалось куда большее, нежели в 1995 или 1999 годах. К тому же, ощущение гнетущей беспросветности последних лет порождало потребность увидеть перемены, не дожидаясь 2005 года - хотя бы признаки оздоровления политико-экономического климата в стране. Ни Шеварднадзе, ни его окружение этой потребности не уловили. Первый - потому, что уже явно устарел для соответствия требованиям времени. Окружение - потому, что всецело соответствовало вкусам устаревшего Шеварднадзе.

Сделав ставку на коррумпированную бюрократию в поисках га-

рантий для себя и своей семьи после истечения последнего президентского срока (подобная проблема стояла перед президентом Ельциным в России), Шеварднадзе загнал себя в угол. В период его правления Грузия превратилась в страну взаимного недоверия, где народ не доверяет своему правительству, а правительство - народу.

То, с чем Шеварднадзе вышел на парламентские выборы 2003 г., и что в обиходе именовалось "правительственным блоком", а официально - "Альянсом за новую Грузию", выглядело чудовищным мутантом даже в условиях многое уже повидавшей к тому времени Грузии. Коктейль из несостоявшихся политиков с обанкротившимися, разбавленный сомнительными персонами, вообще не имеющими отношения к политике, превратился в такое "пойло", осилить которое могли разве что люди, начисто лишенные вкуса и обоняния. Именно стремление этой "силы" сохранить за собой власть во что бы то ни стало, а в сложившейся ситуации это можно расценить как попытку узурпации власти, предопределило народное возмущение.

Не менее важным стало и то обстоятельство, что реальная оппозиция на этих выборах предстала сильной, как никогда прежде. Популярный и энергичный Саакашвили нашел в союзники своему Движению две пусть и небольшие, но имеющие авторитет в определенных сегментах общества партии - Республиканскую и Союз национальных сил. Жвания, на сей раз четко осознавший собственную уязвимость в силу напрашивавшихся параллелей между его и шеварднадзевскими политтехнологиями, в качестве "лица" своего избирательного субъекта привлек спикера парламента Нино Бурджанадзе, пользовавшуюся растущей благорасположенностью умеренно (но тоже оппозиционно!) настроенной части общества. Избирательные блоки "Саакашвили - Национальное движение" и "Бурджанадзе - Демократы" стали восприниматься как реальная альтернатива режиму Шеварднадзе. Что немаловажно - поверили им, похоже, не только в Грузии, но и в США. Ведь, кроме всего прочего, в этих блоках были объединены деятели, накопившие немалый опыт пребывания как в законодательной, так и в исполнительной власти (удержаться в последней они не смогли, ввиду принципиальных расхождений с шеварднадзевскими подходами к управлению государством). А сами лидеры зарекомендовали себя политиками нового поколения с четкой прозападной ориентацией.

Таким образом, в обществе появился политический ориентир -

реальная альтернатива обанкротившейся (или, если угодно, проворовавшей) власти. Но вряд ли события привели бы к тем результатам, которыми завершился ноябрь 2003-го, не будь ещё нескольких факторов. Колоссальную роль сыграли свободные СМИ и, в первую очередь, популярная телекомпания "Рустави-2", поставившая ва-банк на Саакашвили. Этот телеканал организовал exit polls в день выборов 2 ноября и выпустил соответствующие данные в эфир ещё до появления первых официальных результатов (тем самым изначально создав атмосферу неприятия обществом официальных итогов выборов); затем в прямом эфире транслировал митинги и манифестации протеста, был практически круглосуточно открыт для оппозиции и поддерживавших её представителей неправительственных организаций, способствовал мобилизации масс на решающем этапе акций протеста. Благодаря этому "революцию роз" фактически в режиме online наблюдало все население Грузии (а посредством канала CNN в курсе событий мог быть любой заинтересованный человек на земле). Неплохо поработали и некоторые другие местные телеканалы и газеты, особенно - после того, как почувствовали, на чьей стороне оказалась инициатива.

Зрелость и ответственность проявило гражданское общество (зарубежные доноры могут занести это обстоятельство себе в актив). Здесь, в первую очередь, следует упомянуть молодежное движение "Кмара" ("довольно", "хватит"), начавшее кампанию против власти и за активное участие избирателей в выборах задолго до ноября. Это движение успешно использовало опыт своего сербского собрата "Отпор", творчески перенеся на грузинскую почву опробованные в Сербии (и Словакии) технологии. Шумные и задиристые "кмаровцы", хоть и вызывали порой раздражение обывателя, сумели провести свою кампанию по нарастающей, а когда в массовых акциях протеста после выборов наступил было временный период спада, они сумели поддержать энтузиазм людей собственной самоотверженной активностью. Нельзя не упомянуть и "Комитет неповиновения", сформированный революционерами из среды интеллектуалов, который сыграл важную (интеллектуальную!) роль в повседневной работе с людьми.

Следует также отметить подчеркнуто мирный характер всего происшедшего (кажется, именно этим привлекли грузины на свою сторону особые симпатии демократического сообщества). Тот факт, что

за три недели бушевавших страстей не было сломано ни одной витрины, не пострадал ни один автомобиль, не были вытоптаны даже цветы на главной улице города, удивил самих темпераментных грузин. А как при этом ещё удалось избежать провокаций (не прозвучал ни единый роковой выстрел, не разорвалась ни одна боевая граната), могущих привести к действительно непредсказуемым последствиям, хотя желающих и способных на осуществление подобных провокаций должно было быть немало, до сих пор остается тайной.

Отдельно нужно выделить фактор Саакашвили. Харизматический лидер, продемонстрировавший незаурядную способность мобилизации масс, он проявил также удивительную политическую интуицию, буквальной пройдя по лезвию ножа в бурные ноябрьские дни, и ни разу не оступившись. Надо отдать должное и спикеру парламента Нино Бурджанадзе: когда окончательно утративший контроль над ситуацией Шеварднадзе попытался было ввести чрезвычайное положение, она не побоялась объявить, что берет на себя исполнение функций президента (по конституции Грузии именно спикер парламента является вторым лицом в иерархии власти).

Наконец, главный игрок - народ. Особенностью "Революции роз" стало то, что, несмотря на все тяготы повседневной жизни, в холодные и дождливые ноябрьские дни люди (преимущественно это были горожане зрелого возраста, зачастую приходившие целыми семьями, отнюдь не зеваки или бузотеры) сутками простаивали на улицах не под социальными лозунгами, а в стремлении сохранить свое человеческое достоинство, положить конец лжи и издевательствам. Избиратель отстаивал свое право избирать, т.е. - право отстранять от власти неугодное правительство (очевидно - главное завоевание революции). Применить насилие против столь высокой мотивации не отважились ни полицейские, ни солдаты внутренних войск (регулярная армия вообще не появилась на улицах Тбилиси).

Некоторые выводы

Итоги парламентских выборов 2 ноября 2003 г. (в левом столбце таблицы представлены официальные данные Центральной избирательной комиссии, в правом - данные параллельного подсчета голосов, осуществленного добросовестно отработавшей организацией "Справедливые выборы"), дают немалую пищу для размышлений.

Партия/блок	% голосов ЦИК	% голосов ППГ
За новую Грузию (Шеварднадзе)	21.32	18.92
Союз Возрождения (Абашидзе)	18.84	8.13
Саакашвили - Национальное движение	18.8	26.6
Лейбористская партия	12.04	17.3
Бурджанадзе - Демократы	8.79	10.15
Новые правые	7.35	7.95

1. Если бы шеварднадзевский блок удовлетворился своими "завоеваниями" на первом этапе фальсификации выборов (голосование под давлением административного ресурса - именно эти данные зафиксированы ППГ), и не пошел бы на дальнейшее извращение итогов уже на уровне окружных и Центральной избирательной комиссий (фальсификация этого уровня отражена в официальных результатах), то он имел бы шанс сохранить контроль над парламентом и продлить пребывание Шеварднадзе у власти до конца его президентского срока.

2. Отношение к официальным итогам выборов со стороны предъявлявших претензии на оппозиционность лейбористов и "Новых правых", а также их самоустранение от участия в революции, подтверждает, что они были готовы пойти на сделку с Шеварднадзе, и оставить не у дел реальную оппозицию. Непонимание сути развившихся процессов, впрочем, обошлось им дорого: и те, и другие, потеряли значительную часть своего электората и сохранили лишь призрачные шансы на будущее.

Абашидзевское "Возрождение"¹⁰ и вовсе десантировало в Тбилиси своих подневольных сторонников, до последней минуты пытаясь спасти режим Шеварднадзе. Тем самым партнерская связка Шеварднадзе-Абашидзе, в течение десятилетия прикрывавшаяся видимостью конкуренции, выявила себя полностью. После же ухода Шеварднадзе тоталитарный режим Абашидзе в Аджарии стал выглядеть даже не анахронизмом, а просто атавизмом, без всяких перспектив

¹⁰Подробнее об Абашидзе и его "Союзе Возрождения" см. ниже статью Д.Бердзенишвили "Главная внутренняя проблема Грузии".

вписаться в новые политические реалии Грузии.

Что касается собственно революции, то позволю себе противоречащий логике и канонам аналитики вывод: происшедшее в Грузии в ноябре 2003 г. - явление положительное, вне зависимости от того, что произойдет впоследствии. Почему положительное - должно быть ясно из вышеизложенного. А касательно того, что может произойти в дальнейшем...

К власти в Грузии пришло новое, действительно молодое поколение. Преимущество новых людей в том, что в большинстве своем они не отягощены советскими стереотипами, догмами, советской несвободой в мышлении и действиях. Но в силу их молодости трудно ожидать, что у них имеется устоявшаяся система ценностей, четкое политическое кредо, ясное стратегическое видение будущего страны, руководить которой им предстоит. Молодости свойственны недооценка важности диалога, недостаток готовности к работе в коалициях, будь то в политических или гражданских. Впрочем, все это характерно и для всего постсоветского общества в целом с его невысокой политической культурой, отсутствием навыков и традиций плюрализма.

Проблем у новых властей - неисчислимо множество; работы - непочатый край, и нет никаких гарантий, что ожидания обществом быстрых и решительных перемен столь же быстро и решительно оправдаются. А поистине уникальный мандат доверия, выданный избирателями новому руководству страны, содержит риск очередного разочарования, с одной стороны, и злоупотребления безраздельной властью - с другой. Последнее может подпитываться и жадной своеобразного реванша за шеварнадзевское десятилетие, когда власть упрямо отторгала от себя "несоветских" людей. В подобной ситуации роль и функция гражданского общества возрастают до критических масштабов: ноябрьские события в Грузии можно будет возвести в ранг революции лишь в том случае, если последуют системные, институциональные реформы, в осуществлении которых власть и общество поднимутся на принципиально новую ступень взаимоотношений; если общество осмыслит и разовьет свой успех в плане каждодневного контроля над властью и непосредственного участия в обновлении страны, а власть воспримет свою подотчетность (accountability) и необходимость вовлечения общества в процесс реформ как необходимое условие прогресса.

Главное, чтобы Грузия не превратилась в своеобразную страну,

граждане которой окажутся способны лишь на то, чтобы время от времени отстранять от власти неугодных правителей.